

Шесть му земли среднего качества тогда разделили поровну, поэтому после возвращения Сюн Цзиньчжоу вся семья собралась вместе и разделила пшеницу на три части. Долю Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу оставили здесь, а остальное перенесли в передний дом.

Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу потратили некоторое время, рассыпая большую часть пшеницы по полотняным мешкам и относя их в погреб.

— Чжу-гер, может, заодно поднять немного старой пшеницы? — выглянул из погреба Сюн Цзиньчжоу.

Нин Гуйчжу присел у входа:

— У нас ведь ещё осталось полтора мешка?

— Да.

— Тогда всё выноси. Завтра просушим.

Сюн Цзиньчжоу отозвался, развернулся за зерном, сначала передал Нин Гуйчжу половину мешка, а затем сам выбрался наружу с оставшимся целым.

— Завтра сначала обмолотим новую пшеницу, которую оставили наверху, а старую после просушки тоже отвезём и часть смелем в муку, — сказал Нин Гуйчжу и, дождавшись, пока Сюн Цзиньчжоу отойдёт, плотно закрыл вход в погреб.

— Так много молоть? — удивился Сюн Цзиньчжоу.

— Нам свою пшеницу продавать не нужно. Лучше смолоть побольше, тогда в обычные дни будет удобнее готовить всякое из теста, — ответил Нин Гуйчжу, отряхивая с рук пыль. — И ещё кукуруза. Кукурузной крупы у нас почти не осталось, в этот раз лучше сразу смолоть её в муку. Самим потом перерабатывать слишком хлопотно, да ещё и часть впустую пропадает.

— Хорошо, запомнил.

Поставив старую пшеницу в стороне, Сюн Цзиньчжоу подошёл ближе к Нин Гуйчжу и с явным ожиданием спросил:

— А копчёную колбасу сегодня уже можно есть?

— Почти готова.

Пока Сюн Цзиньчжоу не напомнил, всё было нормально, но стоило заговорить о колбасе, как Нин Гуйчжу сам несколько раз сглотнул и тут же решил:

— Сегодня едим копчёную колбасу. Цзиньчжоу, поставь рис.

— Хорошо-о!

Сюн Цзиньчжоу сразу оживился, насыпал в таз немного риса, тщательно промыл, переложил в глиняный горшок, добавил воды, накрыл крышкой и поставил томиться. Пока он занимался рисом, Нин Гуйчжу уже принёс копчёную колбасу. Он перерезал верёвки, которыми были перевязаны связки, тщательно промыл колбаски и, отложив нужное на сегодня количество, спросил:

— Одну часть приготовим на пару, другую обжарим. Подойдёт?

Сюн Цзиньчжоу, подперев подбородок одной рукой, ответил:

— Конечно.

Ответ был вполне ожидаемым. Нин Гуйчжу просто по привычке заранее рассказывал ему, что будет на ужин, и после согласия сразу принялся готовить.

Внутри глиняного горшка он соорудил из трёх палочек небольшую подставку и положил сверху две колбаски, чтобы они готовились на пару. Ещё две нарезал ломтиками и отложил, после чего занялся овощами.

Перец, зелёный лук, молодая зелень... Нин Гуйчжу ещё сходил на огород и выкопал одну головку чеснока. Это была первая пересаженная партия, и чеснок уже можно было собирать, но Нин Гуйчжу хотелось подольше есть свежие чесночные перья, поэтому раньше он его не трогал. Свежий чеснок он нарезал довольно толстыми пластинками, разогрел в котле масло, первым делом обжарил чеснок до аромата, а затем выложил туда ломтики копчёной колбасы и распределил их по дну, чтобы слегка подрумянить.

Аппетитный аромат поплыл по кухне, и Сюн Цзиньчжоу уже не мог спокойно сидеть на месте. Он то и дело подходил поближе, заглядывал в котёл и явно мечтал поскорее попробовать.

Нин Гуйчжу сказал:

— Сходи купи кусок тофу. Потом обжарим его на масле, оставшемся от колбасы, хорошо?

— Сейчас схожу.

Сюн Цзиньчжоу тут же вышел из кухни.

— Эй! — Нин Гуйчжу повысил голос ему вслед. — И отнеси отцу с матерью две колбаски!

Сюн Цзиньчжоу уже дошёл до ворот двора, но, услышав, снова вернулся и уточнил количество, которое не расслышал:

— Две?

Нин Гуйчжу кивнул. За этот ужин они съедят четыре колбаски, две отнесут семье, а оставшиеся можно будет есть понемногу. Если добавлять к ним другие продукты, хватит ещё на три-четыре приёма пищи.

Сюн Цзиньчжоу взял две колбаски и на этот раз умчался ещё быстрее. Вскоре он вернулся с тофу. Даже без указаний Нин Гуйчжу он быстро нарезал его тонкими ломтиками, сложил в чашку и поставил так, чтобы тому было удобно взять.

Обжаренную зелень и колбасу Нин Гуйчжу сложил вместе, вымыл котёл и, когда тот обсох на огне, налил масла. Затем выложил тофу, разделяя ломтики и укладывая их прямо на дно. Когда тофу подрумянился с обеих сторон до золотистой корочки, Нин Гуйчжу переложил его в сторону. В котёл отправились ломтики чеснока и перец; обжарив их до аромата, он вернул тофу обратно, добавил приправы и немного воды, накрыл крышкой и оставил ненадолго тушиться.

— Как там рис? — спросил Нин Гуйчжу, вытирая руки.

Сюн Цзиньчжоу поднял голову:

— Ещё немного нужно, зато колбаса уже почти готова.

Услышав это, Нин Гуйчжу открыл крышку глиняного горшка. Вместе с горячим паром в лицо ударил насыщенный аромат колбасы, приготовленной на пару. Он подождал, пока пар немного рассеется, затем снял колбаски с импровизированной подставки из палочек, переложил в чашку и проткнул одну, проверяя готовность.

— Да, уже можно.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, вынул из горшка палочки и спросил:

— Они больше не нужны?

— Нет. — Нин Гуйчжу покачал головой и понёс чашку к разделочной доске, чтобы нарезать колбасу. Между делом он сказал Сюн Цзиньчжоу: — Палочками всё-таки неудобно. Завтра сделаю маленькую подставку для готовки на пару, чтобы ставить прямо в глиняный горшок.

Палочки внутри горшка так и лежали ровно в том положении, в каком Нин Гуйчжу их туда уложил. Он даже не представлял, как Сюн Цзиньчжоу только что умудрялся перемешивать рис.

Поняв, что его маленькая хитрость раскрыта, Сюн Цзиньчжоу смущённо потёр нос и признался:

— Я несколько раз пробовал сложить их на столе, но никак не получалось. В итоге просто мешал рис так, чтобы не задевать палочки.

Нин Гуйчжу со смехом покачал головой.

Готовую на пару колбасу он нарезал тонкими ломтиками и красиво уложил в чашку. Ломтики выглядели блестящими и сочными от жира. Нин Гуйчжу сам попробовал один, затем поднёс второй к Сюн Цзиньчжоу:

— Попробуй.

Без всякого соуса особенно ярко раскрывался вкус самой копчёной колбасы: мясо было плотным, с насыщенным ароматом дыма, но при этом нежным и сочным. Солоноватый вкус сопровождался лёгкой остротой - поистине восхитительно.

Сюн Цзиньчжоу тщательно распробовал кусочек и сказал:

— Я потом поговорю с мясником, пусть впредь оставляет для нас все тонкие кишки.

Нин Гуйчжу:

— ...

Он не удержался и рассмеялся:

— Ты что, решил накопить дома целую гору кишок?

Сюн Цзиньчжоу принялся объяснять свою логику:

— Копчёная колбаса долго хранится в погребе, а у одной свиньи тонких кишок не так уж

много. Если начнём запасать только сейчас, тогда к Новому году как раз будет что есть.

В крестьянских семьях было принято приберегать всё самое лучшее за год именно к новогодним праздникам. Сюн Цзиньчжоу прекрасно понимал, что выдержки у него не настолько много: одну-две колбаски он до Нового года точно не сохранит. Значит, проще сразу сделать побольше.

— В этом есть смысл. — Нин Гуйчжу кивнул и отложил палочки. — Когда принесут следующую порцию тонких кишок, я научу тебя готовить оболочку. Потом будешь этим заниматься ты, хорошо?

Изредка обработать кишки можно, но возиться с вонючими свиными кишками постоянно Нин Гуйчжу всё-таки не хотелось.

— Без проблем, — сразу согласился Сюн Цзиньчжоу, но заранее предупредил супруга: — Только я никогда этого не делал. Если первые несколько раз что-нибудь испорчу, Чжу-гер, ты не сердись.

Всё-таки кишки покупались за деньги. Сюн Цзиньчжоу опасался, что, если порвёт слишком много, Нин Гуйчжу передумает и больше не позволит ему этим заниматься.

Но Нин Гуйчжу лишь сказал:

— Главное - хорошо очисти. Если порвёшь, приготовим из них другое блюдо.

Свиные тонкие кишки были хороши и в супе, и быстро обжаренными на сильном огне.

Когда рис наконец приготовился, они наполнили чашки и сели за стол. Колбасу на пару они уже успели попробовать заранее, поэтому теперь их палочки одновременно потянулись к обжаренной. Вкус у жареной колбасы отличался: он был ярче, насыщеннее и тяжелее, особенно хорошо сочетаясь с рисом. Копчёная колбаса с равным количеством жира и постного мяса получилась превосходной. Вместе с освежающей обжаренной зеленью и мягким, пропитанным соусом тофу весь приготовленный рис исчез подчистую.

— Я объелся.

Нин Гуйчжу откинулся у окна и от сытости почти впал в сонное оцепенение.

Сюн Цзиньчжоу поднялся, принёс ещё две чашки настоя из листьев танской груши и спокойно сел рядом. Вечерний ветер проходил через окна с обеих сторон кухни, шевелил волосы у висков и уносил мелкие капли пота, выступившие после еды. Было прохладно и удивительно уютно.

Немного отдохнув, они поднялись, привели дом в порядок и приготовили ужин для домашних животных.

Нин Гуйчжу посмотрел на Маньтоу, который неторопливо жевал корм, и пробормотал:

— Почему мне кажется, что от Маньтоу прямо веет рабочей усталостью?

Сюн Цзиньчжоу повернул голову:

— Рабочей усталостью? Это что?

— Такая штука, которая делает людей и животных одинаковыми по статусу.

— ?

Ничего не понял. Сюн Цзиньчжоу решил больше не мучить собственную голову, взял Нин Гуйчжу за руку и повёл в передний двор.

—

Под палящим солнцем прошлогодняя пшеница занимала половину двора. Передние ворота были открыты только наполовину, кошки и собаки носились туда-сюда, гоняясь друг за другом, а на свободной половине двора грелись на солнце два ведра воды. Если всё пойдёт хорошо, вечером даже не придётся специально кипятить воду для купания.

Нин Гуйчжу обмахивался веером, слегка наклонился и пальцем указал над иероглифом на песчаном подносе Сюн Цзиньбо:

— Здесь одного штриха не хватает. Посмотри ещё раз на то, что написано на образце.

Сюн Цзиньбо поднял голову, внимательно сверился с листом, покраснел, снова опустил глаза, быстро стёр написанное на песке и начал заново.

Нин Гуйчжу ещё немного понаблюдал. Убедившись, что тот больше не ошибается, он перевёл взгляд на двоих остальных. По сравнению с Сюн Цзиньбо, невнимательный Сюн Чуаньшуй и слишком маленькая Сюн Иньинь были настоящими чемпионами по ошибкам. Стоило Нин Гуйчжу ненадолго отвернуться, как их иероглифы сразу превращались в полный беспорядок.

Он легонько постучал Сюн Чуаньшуя по голове:

— Подними голову, расправь плечи и сиди ровнее.

Сюн Чуаньшуй схватился за голову и послушно выпрямился. Голос учителя то и дело доносился из двора, переплетаясь со стрёкотом насекомых и птичьими криками и заглушая шум снаружи. Лишь когда домашние собаки вдруг залаяли, Нин Гуйчжу почувствовал, что что-то не так. Он отложил веер и вышел из спальни.

Во дворе голоса снаружи стали слышны гораздо отчётливее.

— Чего разлаялась, дохлая псина? Ещё раз гавкнешь - забью и мясо съем!

Голос был явно детским, но злоба в этих словах заставила Нин Гуйчжу нахмуриться. Он быстро подошёл к задней калитке, распахнул её и посмотрел в сторону, откуда доносились голоса. Даван и Эрцай стояли у стены и всё ещё лаяли в сторону леса. Увидев, что появился взрослый, дети в лесу тут же бросились врассыпную, открывая фигуру, которую до этого окружали.

— Ты в порядке?

Нин Гуйчжу подошёл, помог ребёнку подняться и осторожно стряхнул с его одежды пыль.

— Н-ничего, всё хорошо. — Ребёнок заметил, что одежда Нин Гуйчжу чистая, и немного отодвинулся в сторону, неловко почесав затылок. — Спасибо, дядюшка, со мной правда всё в порядке.

Увидев, что тот старается держаться подальше, Нин Гуйчжу тоже не стал приближаться и заговорил с ним с некоторого расстояния:

— Ты один пришёл? С собой что-нибудь приносил?

Услышав вопрос, ребёнок инстинктивно обернулся к дереву неподалёку. Однако там виднелась лишь сплошная зелень - вещи, которые он оставил под деревом, неизвестно когда исчезли.

Он встревоженно побежал туда и с другой стороны ствола нашёл отброшенную ногой бамбуковую корзину. Больше половины дикорастущей зелени пропало, оставшееся было рассыпано по земле, а сама корзина заметно повредилась.

И гадать не приходилось, наверняка это сделали те дети. Когда его только что окружили и обижали, ребёнок не плакал, а теперь присел возле разбитой корзины и выглядел ужасно расстроенным.

Нин Гуйчжу тоже увидел, в каком она состоянии, и мягко утешил:

— Она не так уж сильно сломана. Давай сначала зайдём во двор, я тебе её починю, хорошо?

— П-правда? — Ребёнок с надеждой поднял голову.

Нин Гуйчжу протянул руку, помог ему встать, быстро собрал рассыпанные овощи обратно в корзину, затем подхватил её.

— Пойдём, заходи. Дома ещё трое младших брата и сестра, можешь немного с ними поиграть.

Ребёнок знал, о каких детях из семьи Нин Гуйчжу идёт речь. Он вообще осмелился прийти сюда собирать дикорастущую зелень именно потому, что в прошлый раз бабушка Лю позволила ему заранее подбирать пшеничные колосья, а остальные из семьи Сюн вовсе не повели себя так, как говорили некоторые люди: не пришли к нему домой устраивать неприятности ему и бабушке. Более того, когда его обижали, те трое детей ещё и заступились за него.

После того случая он даже собирал дикие ягоды, чтобы отблагодарить их. Но трое братьев и сестра каждый день учились, а после занятий он всё никак не мог их застать. Несколько дней подряд собранные ягоды в итоге съедали он сам и бабушка, так что ему пришлось временно отказаться от этой затеи.

Когда люди вышли из леса, Даван и Эрцай подошли поближе и обнюхали ребёнка. Хотя обе собаки были ещё лишь подросшими щенками, размером они уже были совсем не маленькими. А ребёнок из-за постоянного недоедания выглядел настолько худым и маленьким, что оказался ненамного выше собак.

Нин Гуйчжу машинально выставил руку:

— Не приставайте. Идите играйте сами, не пугайте его.

Ребёнок тут же сказал:

— Дядюшка, я не боюсь.

Нин Гуйчжу опустил взгляд, внимательно посмотрел и, убедившись, что ребёнок действительно не боится собак, больше не стал мешать Давану и Эрцаю крутиться рядом. Вместе с ребёнком он вошёл во двор.

— Учите-ель...

Сюн Чуаньшуй как раз высунул голову наружу и тут же попался на глаза вошедшему Нин Гуйчжу. Мальчик замер на месте, неловко перебирая пальцами и уже готовясь к выговору.

Нин Гуйчжу подошёл, легонько стукнул его по голове, но при постороннем ребёнке отчитывать

не стал, а лишь сказал:

— Уже почти время отдыхать. Иди позови старшего брата и сестру, пусть тоже выходят передохнуть.

Сюн Чуаньшуй:

— ?

А ведь послеобеденный урок только-только начался.

И тут Сюн Чуаньшуй наконец заметил того самого «маленького братика», о котором говорил Нин Гуйчжу.

— Ой, это ты!

Нин Гуйчжу приподнял бровь:

— Вы знакомы?

— Это тот самый маленький братик, который собирал колосья на нашем поле.

Сказав это, Сюн Чуаньшуй подбежал к ребёнку, схватил его за руку и потащил вперёд. Он первым вернулся во двор и вытащил из спальни Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь, которые до этого старательно упражнялись в письме. Услышав, что сам Нин Гуйчжу разрешил сделать перерыв, Сюн Цзиньбо и Сюн Иньинь тут же отложили бамбуковые палочки и выбежали наружу, окружив неожиданно подарившего им свободу маленького гостя с невероятным энтузиазмом. Тот совершенно растерялся.

Нин Гуйчжу отправился на кухню налить несколько чашек воды, но ещё не успел их поднять, как перед ним уже набилась целая кучка маленьких голов. Дети сами разобрали чашки, хором прокричали:

— Спасибо, учитель!

И снова шумной гурьбой убежали.

— ...

Нин Гуйчжу беспомощно покачал головой и не стал вмешиваться в детские игры. Вместо этого сходил в лес, притащил один бамбуковый ствол и собрался расщепить его на тонкие полоски,

чтобы починить ребёнку сломанную корзину. Мальчик сидел рядом, явно не находя себе места. Он то и дело хотел подняться и помочь, но трое детей облепили его со всех сторон, так что вырваться было невозможно.

Заметив его беспокойство, Нин Гуйчжу просто сказал:

— Пока играешь с ними, помоги мне присмотреть за пшеницей, хорошо? Не давай птицам её клевать.

Получив конкретное дело, ребёнок заметно расслабился и повёл троих брата и сестру играть на свободной половине двора. Нин Гуйчжу лишь время от времени поглядывал в их сторону, а сам достал тесак и принялся обрабатывать бамбук.

После всей недавней работы с бамбуком руки уже привыкли, поэтому расщеплять его на полоски оказалось совсем легко. Нин Гуйчжу отложил нож, высыпал из корзины собранную зелень, взял бамбуковые полоски, сел на стул и начал чинить повреждённое плетение.

.

— Чжу-гер, ты опять что-то из бамбука делаешь?

Ван Чуньхуа открыла дверь и вошла во двор. Заметив, что Нин Гуйчжу снова возится с бамбуком, она невольно заинтересовалась.

— Невестка, пришла? — Нин Гуйчжу опустил руки. — Несколько детей в лесу обижали мальчика и сломали ему корзину. Я заодно привёл его сюда и решил починить.

Услышав это, Ван Чуньхуа посмотрела в сторону играющих детей и только тогда заметила, что среди её троих малышей затесался ещё один худенький ребёнок. Как только она разглядела его получше, брови сразу нахмурились.

— Знаешь, дети из каких семей это сделали?

Даже у них дома из-за сломанной бамбуковой корзины ещё долго бы ворчали, а уж в семье бабушки-вдовы такая вещь была куда более ценной.

Нин Гуйчжу покачал головой:

— Не разглядел. Как только открыл дверь, они все разбежались.

— Стая мелких негодников, которые только слабых и умеют задирать.

Ван Чуньхуа сплюнула в сторону, но при детях больше ничего грубого говорить не стала. Направляясь к кухне, она сказала:

— Сегодня моя матушка приходила, принесла немного солёных куриных яиц. Вы с Цзиньчжоу оставьте себе, попробуете.

— Солёные куриные яйца?

Нин Гуйчжу часто ел солёные утиные яйца, а вот о солёных куриных слышал впервые.

Ван Чуньхуа переложила солёные куриные яйца в чашку Нин Гуйчжу, затем той же чашкой налила себе воды и, попивая на ходу, сказала:

— Ой, даже не знаю, как объяснить. Просто солёненькие, а на вкус довольно хороши. Попробуй. Если понравятся, потом, когда поеду к родителям, принесу тебе ещё несколько.

— Не надо, — с улыбкой отказался Нин Гуйчжу. — Если захочется, сам разберусь, как их делать.

Ван Чуньхуа протянула:

— А-а...

И совершенно спокойно согласилась:

— Тоже верно. Чжу-гер, ты ведь всё умеешь. Если дома яиц не хватит, приходи к нам за ними.

Нин Гуйчжу с улыбкой кивнул.

После воды внутренний жар заметно отступил. Ван Чуньхуа с облегчением выдохнула и вдруг вспомнила:

— Кстати, Чжу-гер, про листья дикой груши можно другим рассказывать? Летом глотнёшь, и сразу так приятно.

— Конечно можно. — Нин Гуйчжу кивнул. — Они же в горах растут, какая разница, кто их соберёт.

— И то верно.

Ван Чуньхуа ещё некоторое время наблюдала, как Нин Гуйчжу чинит бамбуковую корзину. Увидев, как порванные места постепенно заплетаются новыми бамбуковыми полосками, она с удивлением поцокала языком и ушла обратно. Дел дома было много; посмотреть на что-нибудь новое - всё равно что немного передохнуть, а теперь пора было возвращаться к работе.

Починенную корзину Нин Гуйчжу поставил рядом, сложил обратно всю собранную зелень, взял веер и несколько раз обмахнулся, после чего посмотрел на детей, успевших набегаться во дворе до пота.

— Маленький братик, твоя корзина уже готова!

Сюн Иньинь, остановившись передохнуть, заметила корзину возле Нин Гуйчжу и потянула мальчика за край одежды. Тот машинально обернулся. Увидев у стены корзину, на которой старое плетение перемежалось с новыми полосками, он сразу просиял и поспешно подбежал к Нин Гуйчжу.

— Её... её уже починили?

Нин Гуйчжу направил на него веер, посылая прохладу.

— Посмотри внимательно. Может, ещё где-нибудь нужно подправить?

Ребёнок потянулся к корзине, но перед самым прикосновением вдруг отдернул руку, вытер ладонь о свою рваную одежду и только после этого осторожно взял корзину. Он тщательно осмотрел все починенные места и расплылся в особенно радостной улыбке:

— Спасибо, дядюшка! Так красиво починили!

Мальчик был некрасив, худой, маленький, весь в грязи, но в его улыбке было столько живой силы, что она словно озаряла всё лицо.

— Не за что. — Нин Гуйчжу продолжал обмахиваться веером. — Я ведь так и не спросил: как тебя зовут?

Ребёнок тихо ахнул и смущённо ответил:

— У меня нет имени.

Нин Гуйчжу замер. А мальчик продолжил:

— Бабушка зовёт меня «малышом», остальные - «хромым». Иногда тётушки и бабушки

называют просто ребёнком. Дядюшка, вы тоже можете звать меня «ребёнком», хорошо?

В его жизни «малыш» было слишком близким, почти семейным обращением, «хромой» - словом, в котором слишком отчётливо звучала злоба, и только «ребёнок» не несло ни враждебности, ни чрезмерной близости.

Нин Гуйчжу тихо вдохнул пару раз, подавляя сильное чувство, которое подняли в нём эти слова, и на порыве спросил:

— Хочешь, чтобы у тебя было имя?

— Хочу, — совершенно естественно кивнул ребёнок.

Затем мальчик вспомнил кое-какие разговоры, которые случайно слышал раньше, и резко поднял голову. Пальцы нервно стиснули край изношенной одежды, а во взгляде, обращённом к Нин Гуйчжу, появилось такое сильное ожидание, что его невозможно было не заметить. Губы шевельнулись: он чувствовал, что должен что-то сказать, но совершенно не знал что. Для ребёнка эта пауза показалась невероятно долгой, хотя на деле прошло всего несколько секунд. Видя, с каким нетерпением он ждёт, Нин Гуйчжу некоторое время задумчиво обмахивался веером, а затем улыбнулся:

— Дядюшка тоже не так уж много книг прочитал, поэтому дам тебе простое имя. Как тебе Аньхэ? Пусть жизнь будет мирной и благополучной, а добрые отношения приносят достаток.

Мальчик, теперь уже Аньхэ, изо всех сил закивал, словно боялся, что стоит ему промедлить, и Нин Гуйчжу решит, будто имя ему не понравилось.

— Очень хорошее! Мне нравится, я... я очень люблю это имя! Спасибо, дядюшка!

— Главное, что тебе нравится.

Нин Гуйчжу было неловко под таким благодарным взглядом, поэтому он украдкой поманил троих детей, игравших во дворе, показывая, чтобы они скорее утащили Аньхэ обратно играть. Раз учитель приказал, троица тут же окружила мальчика. Внезапно оказавшись в кольце детей, Аньхэ с трудом успел ещё раз выразить благодарность, но договорить толком не сумел - его уже увлекли обратно во двор.

Нин Гуйчжу отложил веер, деревянными граблями перевернул сушившуюся пшеницу, бесцельно прошёлся по двору, а затем отправился в спальню. Там он раскрыл немного ткани, взял иглу с ниткой и уселся в прохладной части главного зала шить одежду. Он собирался сделать себе две лёгкие майки на бретелях, чтобы носить их во дворе собственного дома. А если так ходить всё же окажется нельзя, можно будет надевать их вместо нижней рубахи с длинными рукавами - в любом случае станет прохладнее, чем сейчас.

С таким вполне практичным настроем Нин Гуйчжу спокойно продолжил шить.

Аньхэ так увлёкся игрой с тремя детьми семьи Сюн, что пришёл в себя лишь тогда, когда солнце уже начало клониться к западу. Он тут же вскочил, посмотрел на сидевшего в главном зале Нин Гуйчжу и сказал троим:

— Мне пора домой. Бабушка, наверное, уже ищет меня.

— А-а... — трое явно расстроились, но всё равно ответили: — Тогда, старший братик, скорее возвращайся.

— Угу!

Аньхэ энергично кивнул, побежал за своей починенной бамбуковой корзиной, а затем звонко поблагодарил Нин Гуйчжу и попрощался с ним.

Проводив ребёнка взглядом за ворота, Нин Гуйчжу посмотрел на троих мгновенно приунывших малышей и беспомощно покачал головой.

— Совсем заигрались. Сейчас заставлять вас читать всё равно бесполезно. Хотите играть — идите, только не забывайте об осторожности.

— Ура! Спасибо, учитель! Учитель самый лучший!

<http://bllate.org/book/14958/2041608>